

САМОУБИЙСТВА СТУДЕНТОВ – ЧТО МЫ ЗНАЕМ, И ЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМ (РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СООБЩЕНИЙ СЕТЕВЫХ СМИ)

В.А. Розанов, Д.А. Лаская, А.В. Шаболтас

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Россия

SUICIDES IN THE UNIVERSITY STUDENTS – WHAT WE KNOW AND WHAT WE DO NOT KNOW (BASED ON THE ONLINE NEWS MEDIA REPORTS)

V.A. Rozanov, D.A. Laskaja, A.V. Shaboltas

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Информация об авторах:

Розанов Всеволод Анатоліевич – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 1978-9868; Researcher ID: M-2288-2017; ORCID iD: 0000-0002-9641-7120). Место работы и должность: профессор кафедры психологии здоровья и отклоняющегося поведения факультета психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». Адрес: Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6. Телефон: +7 (812) 324-25-74; электронный адрес: v.rozanov@spbu.ru

Лаская Диана Андреевна (ORCID iD: 0000-0002-5014-418X). Место учёбы: студентка факультета психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». Адрес: Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6. Телефон: +7 (812) 324-25-74; электронный адрес: st082164@student.spbu.ru

Шаболтас Алла Вадимовна – доктор психологических наук (SPIN-код: 3659-6209 Researcher ID: H-7016-2013 ORCID iD: 0000-0002-1966-6924). Место работы и должность: заведующая кафедрой психологии здоровья и отклоняющегося поведения ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», декан факультета психологии. Адрес: Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6. Телефон: +7 (812) 324-25-74; электронный адрес: a.shaboltas@spbu.ru

Information about the authors:

Rozanov Vsevolod Anatolievich – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 1978-9868; Researcher ID: M-2288-2017; ORCID iD: 0000-0002-9641-7120). Place of work and position: Professor at the Chair of Psychology of Health and Deviant Behavior, Department of Psychology of “St. Petersburg State University”. Address: Russia, 199034, St. Petersburg, 6 Makarova embankment. Phone: +7 (812) 324-25-74, email: v.rozanov@spbu.ru

Laskaja Diana Andreevna (ORCID iD: 0000-0002-5014-418X). Place of study: student of the Psychology Department of St. Petersburg State University. Address: Russia, 199034, St. Petersburg, 6 Makarova embankment. Phone: +7 (812) 324-25-74, email: st082164@student.spbu.ru

Shaboltas Alla Vadimovna – PhD, Dr. Psychol. Sci., (SPIN-code: 3659-6209; Researcher ID: H-7016-2013; ORCID iD: 0000-0002-1966-6924). Place of work and position: Dean of the Psychology Department, Head of the Chair of Psychology of Health and Deviant Behavior, Department of Psychology of St. Petersburg State University. Address: Russia, 199034, St. Petersburg, 6 Makarova embankment. Phone: +7 (812) 324-25-74, email: a.shaboltas@spbu.ru

Студенты ВУЗов часто выступают в роли респондентов при проведении различных исследований суицидологической направленности, например, с целью выявления выраженности суицидальных переживаний, оценки суицидального риска в различных стрессовых ситуациях, выявления психологических и психопатологических коррелятов риска. Однако сведений о частоте завершённых суицидов среди этого контингента в России нет, поскольку в официальной статистике учитывается только возрастная категория, но не принадлежность к той или иной социальной группе. В то же время, эта группа, несомненно, имеет свои особенности, связанные прежде всего с так называемым академическим стрессом, который обусловлен комплексом специфических факторов вузовской среды, и некоторых других факторов риска среди студенческой молодёжи (межличностные отношения, потребление алкоголя и психоактивных веществ, стресс большого города и т.д.). *Цель исследования.* Оценить по данным сетевых СМИ распространённость и основные характеристики (пол, возраст, причины суицида, география, ВУЗ) суицидов среди студентов и аспирантов. *Материалы и методы.* Впервые по данным сетевых СМИ осуществлён анализ случаев суицида среди студентов ВУЗов России. Всего проанализировано 188 сообщений о самоубийствах студентов и аспирантов (возраст от 17 до 32 лет) за период с 01 января 2015 по 31 июля 2021 г. Оценивали процентное распределение случаев по группам, представляющим интерес, а также рассчитывали индексы на 10000 и на 100000 человек. *Результаты.* Динамика по годам свидетельствует об устойчивом характере этого явления в последние годы. Из числа погибших от собственных

рук за этот период 75,5% – мужчины, 24,5% – женщины. Поло-возрастное распределение типично для суицидов молодых людей. Наиболее уязвимой группой являются мужчины 18-20 лет. В то же время, некоторые характеристики этой группы отличают их от суицидентов из общей популяции. Так среди способов на первом месте стоит падение с высоты (39%) и лишь затем повешение (23%). Кроме того, сезонность событий (рост случаев в декабре-январе, резкий спад летом, рост в октябре) говорит скорее о вкладе в детерминацию суицидального поведения студентов «вузовской ситуации» (академического или учебного стресса), чем о влиянии обычных факторов, определяющих колебания в течение года. Наибольшая доля случаев наблюдалась в крупных столичных ВУЗах и крупных федеральных университетах, эта же зависимость сохраняется при расчёте индексов на 10000 учащихся. *Выводы.* Самоубийства студентов как отдельной группы скрыты от статистического учёта и требуют дополнительных исследований с целью выявления объективной картины. Данные сетевых СМИ страдают неполнотой, однако при всех ограничениях дают возможность увидеть цельную картину студенческих самоубийств. Полученные результаты являются основанием для того, чтобы обсуждать разработку и внедрение комплекса мер со стороны ВУЗов, семей и общества в целом, направленных на предотвращение суицидов среди студенчества.

Ключевые слова: самоубийства, студенты ВУЗов, факторы суицидального риска, сообщения сетевых СМИ, Россия

Во французской стороне, на чужой планете,
Предстоит учиться мне в университете –
До чего тоскую я, не сказать словами,
Плачьте ж, милые друзья,
Горькими слезами...
(гимн вагантов)

On the French side, on an alien planet,
I have to study at the university -
How yearning I am, I can't express in
words,
Cry well, dear friends,
With bitter tears ...
(*Vagantes' hymn*)

В современной суицидологии, в том числе в отечественной, множество исследований посвящено студентам. Эти работы дают нам представление о том, что среди учащихся российских ВУЗов наблюдается довольно высокий уровень суицидальных переживаний [1] и суицидальных попыток (в частности, 8,8% студентов-первокурсников технического ВУЗа сообщили при опросе о попытке в анамнезе) [2]. Суицидальный риск в студенческой среде тесно ассоциирован с потреблением психоактивных веществ и различными нарушениями психического здоровья, в числе которых невротические состояния, проявления депрессии, либо обострения более серьёзной психической патологии [3, 4]. Практически все авторы отмечают, что риск в значительной мере определяется трудностями адаптации к новым условиям жизни, учёбы и связан с межличностным и финансовыми проблемами, которые характерны для студенческой молодёжи [5]. В бóльшей степени, естественно, это касается студентов, которые поступили в центральные ВУЗы и прибыли из небольших городов и сёл [5]. Такая ситуация характерна не только для России. Так, например, среди студентов китайских университетов весьма распространены суицидальные переживания, которые ассоциированы с психологическим напряжением, стрессом, депрессией, тревогой и переживанием душевной боли. При этом суицидальным мыслям сопутствовали низкая самооценка и плохие результаты в учёбе [6]. В США, по данным опросов в рамках программы Health Risk Behavior Survey, серьёзно обдумывали суицид 18,8% опрошенных студентов ВУЗов, а 8,9% сообщили об истории

In modern suicidology, including Russian, a lot of research is devoted to students. These works give us an idea that among students of Russian universities there is a fairly high level of suicidal experiences [1] and suicidal attempts (in particular, 8.8% of first-year students of a technical university reported a history of attempts in the survey) [2]. Suicidal risk in the student environment is closely associated with the consumption of psychoactive substances and various mental health disorders, including neurotic states, manifestations of depression, or exacerbation of a more serious mental pathology [3, 4]. Almost all authors note that the risk is largely determined by the difficulties of adaptation to new conditions of life, study and is associated with interpersonal and financial problems that are characteristic of student youth [5]. To a greater extent, of course, this applies to students who entered the central universities and came from small towns and villages [5].

This situation is typical not only for Russia. For example, among students of Chinese universities, suicidal experiences are very common, which are associated with psychological stress, stress, depression, anxiety and

суицидальной попытки (женщины чаще, чем мужчины примерно на 30%), причём за последние 10 лет все показатели заметно ухудшились [7].

В США ситуация с суицидами, происходящими в студенческих кампусах, вызывает озабоченность уже не одно десятилетие. Как известно, американская молодёжь предпочитает обучаться вдали от родного дома, а университетские кампусы с прекрасно развитой инфраструктурой и условиями для жизни, работы, здорового питания и занятия спортом и развлечений (что является предметом законной гордости университетов), являются основным местом концентрации студенческой молодёжи. Тем не менее, ещё в 1980-1990 гг. так называемая Большая Десятка (Big Ten, ассоциация ряда крупнейших и влиятельных университетов США, куда в частности входят такие широко известные как Университет Миннесоты, Университет штата Мичиган, Университет Пердью, Университет Айовы и др., объединённых по принципу конференции – участия в соревнованиях по регби, сегодня это 14 ВУЗов) провела мониторинг и анализ суицидальных случаев в кампусах. За 10 лет в 12 учебных заведениях был зарегистрирован 261 случай, из них 46% – лица в возрасте 20-24 лет, подавляющая часть погибших (70%) – студенты, ещё не завершившие обучение, остальные 30% – аспиранты [8].

Аналогичные усилия по мониторингу суицидов студентов предпринимаются в Великобритании. Так, согласно опубликованному отчёту, в 2014 году в Англии и Уэльсе 130 студентов (97 юношей и 33 девушки), учившихся на дневных отделениях ВУЗов, покончили жизнь самоубийством. С 2010 по 2014 число случаев колебалось в пределах 100-130 в год [9]. По уточнённым данным, за 10 лет с 2008 по 2017 г. в Великобритании покончило с собой 1330 человек, из них 1109 (83%) – это собственно студенты и 221 (17%) – аспиранты [10].

Обращает на себя внимание то, что в этих странах студенты ВУЗов как специфическая группа являются предметом прицельного внимания статистики по суицидам, регулярно высчитываются уровни на 100000 населения соответствующего возраста, ведётся анализ динамики. Нужно признать, что в России такие данные фактически недоступны. Сведения о самоубийствах студентов «прячутся» в официальной статистике возрастных групп 19-24 лет, никак не анализируются, не обсуждаются с позиций смертности, количественных показателей и качественного состава этой группы. Это, на наш взгляд, очень серьёзное упущение, так как, с одной стороны, препятствует пониманию объективной картины происходящего, с другой стороны, демонстрирует низкий уровень внимания со стороны государственных структур и самих университетов к этой проблеме, что в целом может препятствовать внедре-

the experience of mental pain. At the same time, suicidal thoughts were accompanied by low self-esteem and poor academic performance [6]. In the United States, according to the Health Risk Behavior Survey, 18.8% of university students surveyed seriously considered suicide, and 8.9% reported a history of suicide attempts (women are more likely than men by about 30%), and in recent 10 years, all indicators have noticeably become worse [7].

In the United States, the situation with suicides committed in student campuses has been a concern for decades. As you know, American youth prefer to study away from home, and university campuses with well-developed infrastructure and conditions for life, work, healthy eating and sports and entertainment (which is the subject of legitimate pride of universities) are the main places of concentration of student youth. However, back in 1980-1990 the so-called Big Ten (an association of a number of the largest and most influential universities in the United States, which in particular includes such well-known universities as the University of Minnesota, Michigan State University, Purdue University, University of Iowa, etc., united by the principle of conference – participation in competitions rugby union, today there are 14 universities) monitored and analyzed suicides committed in campuses. Over 10 years, 261 cases were registered in 12 educational institutions, of which 46% were persons aged 20-24, the overwhelming part of the dead (70%) were students who had not yet completed their studies, the remaining 30% were graduate students [8].

Similar efforts are made to monitor student suicides in the UK. So, according to a published report, in 2014 in England and Wales 130 full-time university students (97 boys and 33 girls) committed suicide. From 2010 to 2014, the number of cases ranged from 100-130 per year [9]. According to updated data, 1330 people committed suicide in the UK over the 10 years from 2008 to 2017, of which 1109 (83%) are actually students and 221

нию адекватных превентивных мер.

Что же касается многочисленных работ по изучению суицидального риска в среде студентов ВУЗов, посвящённых связи суицидальных проявлений с психосоциальными факторами и психическим здоровьем, то они говорят о том, что студенты иногда просто выступают удобным объектом в качестве изучаемой выборки – они всегда находятся «под рукой» у преподавателя-исследователя, готовы отвечать на вопросы и т.д. Эти работы, несомненно, вносят большой вклад в понимание суицидального поведения студенческой молодёжи. Тем не менее, несмотря на то что студенты ВУЗов в России исследованы в плане суицидального поведения довольно широко, истинный масштаб проблемы и глубинные причины суицидов среди них, по сути, остаются не понятыми.

Наша работа ставила целью оценить приближенные масштабы происходящего и провести анализ студенческих суицидов. Приступая к работе в условиях очевидного отсутствия официальной информации, мы приняли решение использовать метод анализа сообщений многочисленных современных сетевых СМИ. Этот метод считается вполне приемлемым в условиях отсутствия официальной статистики и высокого уровня латентности явления с учётом определённых ограничений и допущений. Статьи подобного рода довольно часто появляются в суицидологических источниках, что позволяет нам использовать этот подход [11, 12]. При этом мы сконцентрировались именно на ситуации в высших учебных заведениях, исключив из анализа и обсуждения колледжи, профессионально-технические училища, старшие классы школ и гимназий, то есть сознательно сужая исследуемый контингент. Мы полагаем, что для этого есть все основания, поскольку происходящее в ВУЗах имеет свои специфические черты, причины и характеристики, дающие пищу для размышлений с точки зрения понимания ситуации и разработки продуманных мер превенции.

Материалы и методы.

Сведения о случаях самоубийств среди студентов ВУЗов России собирали на основе анализа опубликованных в сети интернет материалов с помощью поисковой системы Google по ключевым фразам *Самоубийство студента/ки (+вуза), суицид студента/ки (+вуза), студент/ка совершил самоубийство, студент/ка покончил с собой, (пропавший) студент/ка найден мертвым / повешенным, студент/ка свел счеты с жизнью, найдено тело (труп) студента/ки, студент/ка повесился, выбросился, сбросился, (с)прыгнул (с крыши, с моста, с балкона, в воду, под поезд), отравился, застрелился.*

Поиск охватывал период с января 2015 г. по июль 2021 г. Данные были сведены в общую матрицу (полная

(17%) are postgraduates [10].

It is noteworthy that in these countries, university students as a specific group are the subject of targeted attention of statistics on suicides, levels are regularly calculated per 100,000 of the population of the corresponding age, and the dynamics are analyzed. It must be admitted that such data are virtually unavailable in Russia. Information about student suicides is “hidden” in the official statistics of age groups of 19-24-year-olds, and is not analyzed in any way, is not discussed from the standpoint of mortality, quantitative indicators and the qualitative composition of this group. This, in our opinion, leaves out very serious data, since, on the one hand, it hinders the understanding of the objective picture of what is happening, and on the other hand, it demonstrates a low level of attention from government agencies and universities themselves to this problem, which in general can hinder the implementation of adequate preventive measures.

As for the numerous works on the study of suicidal risk among university students, devoted to the relationship of suicidal manifestations with psychosocial factors and mental health, they say that students sometimes simply act as a convenient object as a studied sample – they are always “under hand” from the teacher-researcher, ready to answer questions, and so on. These works undoubtedly make a great contribution to the understanding of the suicidal behavior of student youth. Nevertheless, despite the fact that university students in Russia have been studied quite widely in terms of suicidal behavior, the true scale of the problem and the underlying causes of suicide among them, in fact, remain unclear.

Our work was aimed at assessing the approximate scale of what is happening and analyzing student suicides. Starting to work in the absence of official information, we decided to use the method of analyzing the messages of numerous modern network media. This method is considered quite acceptable in the absence of official statistics and a high level of latency of the phenomenon considering certain restrictions and assumptions.

информация, в том числе со ссылками на первоисточники, представлена в виде дополнительного материала к статье на сайте журнала Суицидология (суицидология.рф) и проанализированы с использованием следующих критериев: возраст, пол, ВУЗ, в котором обучался студент/ка, место, время, способ и возможные причины совершения самоповреждения. Всего было выявлено 188 случаев вероятного суицида. Во всех случаях следствием, по имеющимся данным, был исключён криминальный характер события. В каждом отдельном случае нами, с учётом имеющихся в сообщениях СМИ сведений и деталей, оценивалась доказательная база принадлежности конкретного случая к самоубийству. В итоге случаев, в которых суицид является подтверждённым по ряду факторов, таких как: вещественные доказательства (предсмертные записки, сообщения в социальных сетях, SMS, аудиосообщения и видео), показания свидетелей, суицидальные предвестники, оказалось 129, что составляет 69% от общего количества. Случаи, в которых суицид рассматривается следствием в качестве основной версии, составили 21 или 11%, и, наконец, ситуаций, где в равной мере можно было ожидать факт самоубийства или несчастного случая, оказалось 38, то есть 20%. По результатам нашего поиска также оказалось, что по состоянию на конец июля 2021 г. 8 студентов числятся пропавшими без вести, и их судьба не известна. Оценивали процентное распределение случаев по группам, представляющим интерес, а также рассчитывали индексы на 10000 человек студентов или на 100000 населения в целом.

Результаты и их обсуждение.

Проведённый в рамках данной работы обзор сетевых данных охватывает 5,5 лет, с начала 2015 по июль 2021. Все случаи за этот период времени распределились по годам следующим образом (рис. 1).

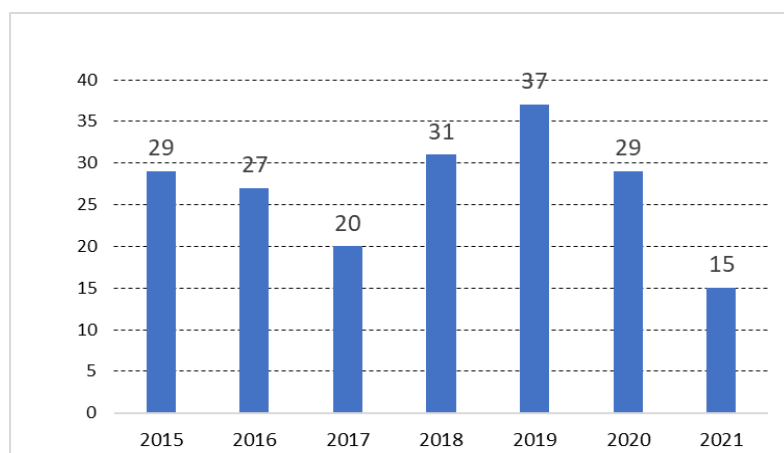

Рис. / Fig. 1. Распределение случаев суицидов студентов, представленных в СМИ, по годам с 2015 г. по июль 2021 г. / Distribution of student suicide cases reported in the media from 2015 to July 2021 by year.

Articles of this kind appear quite often in suicidological sources, which allows us to use this approach [11, 12]. At the same time, we focused specifically on the situation in higher educational institutions, excluding colleges, vocational schools, senior classes of schools and gymnasiums from the analysis and discussion, that is, deliberately narrowing the contingent under study. We believe that there is every reason for this, since what is happening in universities has its own specific features, reasons and characteristics that give food for thought in terms of understanding the situation and developing thoughtful preventive measures.

Materials and methods.

Information about suicide cases among students of Russian universities was collected on the basis of analysis of materials published on the Internet using the Google search engine for key phrases Suicide of a student/s (+ university), student/s committed suicide, the (missing) student was found dead/hanged, a student took their own life, the body (corpse) of the student was found, the student hanged himself, threw themselves out, threw themselves off, jumped (off the roof, off the bridge, from the balcony, into the water, under the train), poisoned themselves, shot themselves.

The search covered the period from January 2015 to July 2021. The data were compiled into a common matrix (full information, including links to primary sources, is presented as an additional material to the article on the website of the journal Suicidology: suicidology.ru) and analyzed using the following criteria: age, gender, university where the student/s studied, place, time, method and possible reasons for committing self-harm. In total, 188 cases of probable suicide were identified. In all cases, the investigation reportedly ruled out the criminal nature of the event. In each individual case, using the information and details available in the media, we assessed the evidence base for the belonging of a particular case to suicide. As a result, cases in which suicide is confirmed by a number of factors, such as: physical evidence (suicide notes, social media

Как видно из представленных данных, число сообщений о суицидах по годам носит довольно устойчивый характер, за 7 лет наблюдения (данные 2021 г. по допущению увеличены вдвое) в среднем число случаев в год составляет 29,00 при стандартном отклонении $\sigma=5,07$. При этом 2019 г. характеризуется наибольшим количеством суицидов ($n=37$), а 2017 г. – минимальным ($n=20$). Данные распределения случаев по годам указывают на отсутствие определённой тенденции к снижению или увеличению суицидов за последние годы.

Среди проанализированных случаев отчётливо прослеживается преобладание мужских суицидов – их оказалось 142 (75,5%). Доля женских суицидов составила 46 (24,5%). Представленное половое соотношение (3,1 : 1) в целом характерно для урбанизированного населения Российской Федерации [13], что косвенно свидетельствует в пользу объективного характера информации, извлекаемой из сетевых СМИ. В связи с этим представляет интерес более детальное поло-возрастное распределение жертв суицида (рис. 2).

Здесь мы можем наблюдать две характерные тенденции. Пиковые значения роста суицидов среди студентов обоих полов приходятся на возраст от 18 до 20 лет (31, 36 и 30 случаев). Максимальное число суицидов среди обоих полов было совершено в возрасте 19 лет – 36 случаев. Для мужского пола наиболее уязвимыми возрастными оказываются 18, 19 и 20 лет. Среди женщин на возраст 19 лет также приходится наибольшее число самоубийств – 11.

post, SMS, audio messages and videos), testimony of witnesses, suicidal precursors, turned out to be 129, which is 69 % of the total. The cases in which suicide is considered by the investigation as the main version amounted to 21 or 11%, and, finally, situations where the fact of suicide or an accident could be expected equally, turned out to be 38, that is, 20%. According to the results of our search, it also turned out that as of the end of July 2021, 8 students are missing, and their fate is not known. The percentage distribution of cases by groups of interest was assessed, and indices were calculated per 10,000 students or per 100,000 of the general population.

Results and its discussion.

The survey of network data carried out in the framework of this work covers 5.5 years, from the beginning of 2015 to July 2021. All cases during this period of time were distributed over the years as follows (Fig. 1).

As can be seen from the data presented, the number of reports of suicides over the years is quite stable; over 7 years of observation (the data for 2021 were doubled by assumption), the average number of cases per year is 29.00 with a standard deviation of $\sigma=5,07$.

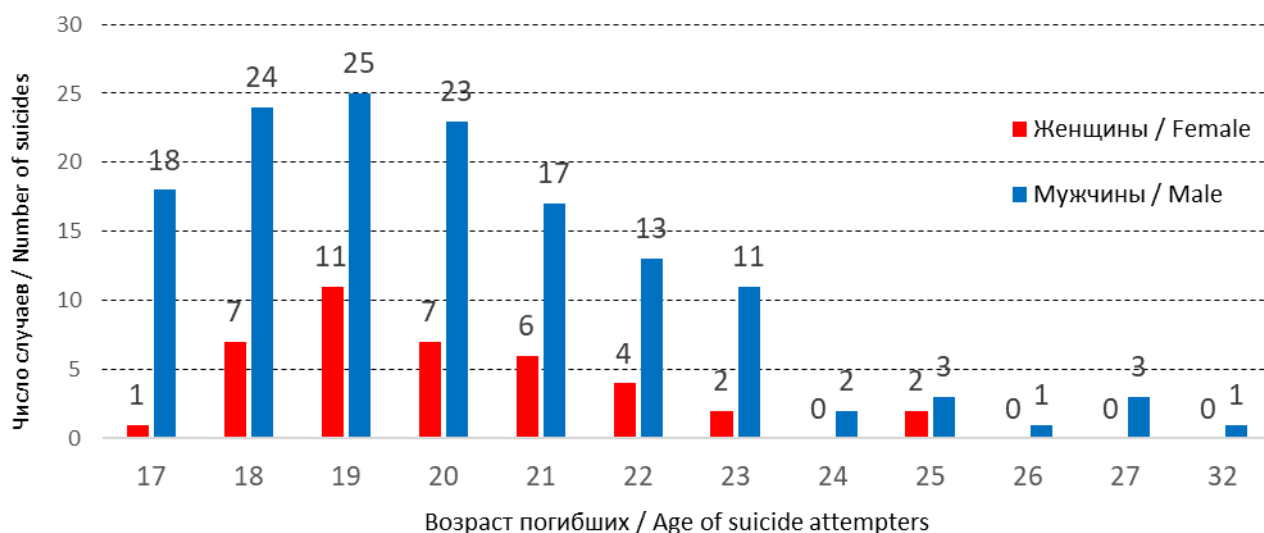

Рис. / Fig. 2. Поло-возрастное распределение всех случаев суицида среди студентов с 2015 г. по июль 2021 г. (график основан на анализе 181 случая, поскольку в 7 сообщениях не найдено сведений о точном возрасте) / Sex-age distribution of all suicide cases among students from 2015 to July 2021 (the graph is based on an analysis of 181 cases, since no information on the exact age was found in 7 reports).

По мере взросления наблюдается очевидная тенденция к уменьшению числа суицидов. Меньше всего самоубийств приходится на период ранней взрослости – от 24 лет и далее, до 32 лет. Данное распределение весьма характерно для завершённых суицидов в молодом возрасте [14], что также косвенно свидетельствует в пользу объективности собранной информации.

Соотношение мужчины : женщины беспрецедентно высокое в возрасте 17 лет (18:1), затем оно выравнивается, и в возрастном диапазоне 18-22 года приобретает типичный для всей группы характер (от 2,3 : 1 до 3,4 : 1, в среднем 3,1 : 1). По мере дальнейшего взросления вновь начинают сильно преобладать мужские суициды.

Эти данные указывают на то, что наиболее уязвимыми являются студенты в возрасте 18-20 лет, и соответственно о том, что большинство суицидов совершается студентами на 1-3 курсе обучения. Причём если среди женщин больше всего случаев в возрастном диапазоне 18-22 года (период острых романтических отношений), то среди мужчин случаи широко представлены и в более ранний период (17 лет), и после 24 лет, что может говорить о бóльшем спектре причин к суициду, включая, например, крах жизненных надежд, карьеру, финансы, проблемы с законом или обострение психических расстройств.

Косвенно об этом свидетельствуют публикации в СМИ, из которых мы попытались извлечь эту информацию. Эти сведения оказались недостаточно надёжны, поскольку в 48,5% сообщений таких данных нет. В тех случаях, когда они были, среди вероятных причин выделяются психологические, учебные и межличностные проблемы. Психологические проблемы преобладают в 20,0%, учебные – в 15,0%, межличностные – в 8,5%, без видимых причин – 4,5%, семейные и бытовые – 3,5%.

В то же время, не исключено, что среди тех случаев, когда источники не предоставляют каких-либо данных, как раз и могут скрываться наиболее интимные и недоступные внешнему наблюдателю ситуации. Особенное внимания обращают на себя случаи (4,5%), когда по свидетельству очевидцев или по комментариям от ВУЗа, погибший студент никаким образом не проявлял своих суицидальных намерений, а характеризовался как личность позитивная в общении и успешная в обучении.

В связи с этим более пристальное внимание было обращено на сезонность случаев, и как видно из дальнейшего изложения, этот паттерн может пролить свет на вопрос причинности суицидов среди студентов (рис. 3).

Как видно из рис. 3, случаи по месяцам и сезонам года распределены весьма своеобразно, в частности мы видим значительный рост количества самоубийств в январе, после чего следует спад до апреля, в мае опять заметен рез-

At the same time, 2019 is characterized by the highest number of suicides (n=37), and 2017 is characterized by the lowest (n=20). The data on the distribution of cases by year indicate that there has been no definite tendency to decrease or increase in suicides in recent years.

Among the analyzed cases, the prevalence of male suicides is clearly traced – there were 142 (75.5%) of them. The proportion of female suicides was 46 (24.5%). The presented sex ratio (3.1:1) is generally typical for the urbanized population of the Russian Federation [13], which indirectly testifies in favor of the objective nature of the information extracted from the online media. In this regard, a more detailed sex-age distribution of suicide victims is of interest (Fig. 2).

Here we can observe two characteristic tendencies. The peak values of the increase in suicides among students of both sexes are at the age from 18 to 20 years (31, 36 and 30 cases). The maximum number of suicides among both sexes was committed at the age of 19 – 36 cases. For the male sex, the most vulnerable ages are 18, 19 and 20 years. Women aged 19 also have the highest number of suicides – 11. As they grow older, there is a clear trend towards a decrease in the number of suicides. The least of all number of suicides occur in the period of early adulthood – from 24 years and further, up to 32 years.

This distribution is very typical for completed suicides at a young age [14], which also indirectly testifies in favor of the objectivity of the information collected. The male-female ratio is unprecedentedly high at the age of 17 (18:1), then it levels off, and in the age range of 18-22 it acquires a character typical for the entire group (from 2.3: 1 to 3.4:1, on average 3.1:1). As they grow older, male suicides begin to dominate again.

These data indicate that the most vulnerable are students aged 18-20, and, accordingly, that the majority of suicides are committed by 1-3-year-of-study students.

Moreover, if among women there are most cases in the age range of 18-

кий подъём, после чего вновь следует резкое снижение с минимумом в августе, вслед за которым начинается осенний рост случаев с максимумом в октябре.

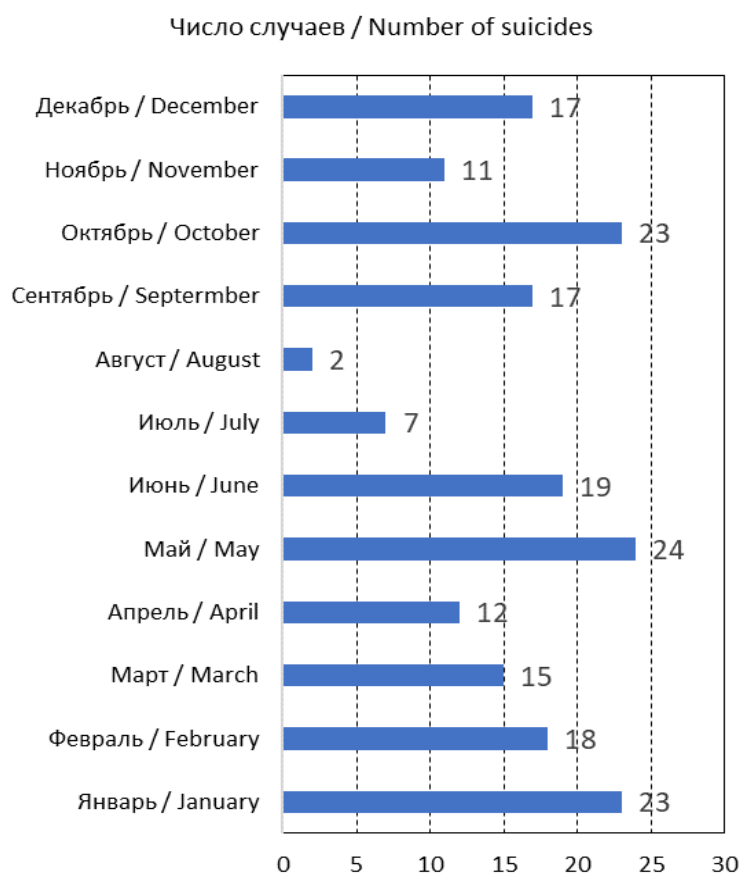

Рис. / Fig. 3. Распределение случаев, представленных в СМИ, по месяцам с 2015 г. по июль 2021 г. / Distribution of cases reported in the media from 2015 to July 2021 by month.

Следует сразу отметить, что такой паттерн сильно отличается от обычных проявлений сезонности суицидов в средней географической полосе (минимальные показатели в зимние месяцы, постепенный подъём к середине лета, некоторое снижение в сентябре, изредка подъём в октябре и вновь снижение к концу года) [15, 16].

Подобную динамику мы объясняем тем, что рост количества суицидов среди студентов детерминирован не столько широко обсуждаемым комплексом факторов, порождающих сезонность [15, 16], а прежде всего актуальной «академической ситуацией». Совершенно очевидно, что подъёмы связаны с сессиями (зимняя и весенняя) и с началом учебного года, когда обучающиеся переживают наиболее выраженный стресс и проблемы адаптации, в то время как с наступлением каникул (в июле и особенно в августе) самоубийства студентов крайне редки.

Всё это в целом позволяет сделать вывод о значимом влиянии специфического циклического «академического»

22 (the period of acute romantic relationships), among men cases are widely represented both at an earlier period (17 years) and after 24 years of age, which may indicate a wider range of reasons for suicide, including, for example, the collapse of life's hopes, career, finances, legal problems, or worsening mental disorders.

This is indirectly evidenced by publications in the media from which we tried to extract this information. This information turned out to be insufficiently reliable, since there is no such data in 48.5% of messages. In those cases where they were, psychological, educational and interpersonal problems stand out among the probable causes. Psychological problems prevail in 20.0%, educational problems take 15.0%, interpersonal problems are observed in 8.5%, no apparent reason was registered in 4.5%, family and household reasons take 3.5%.

At the same time, it is possible that among those cases when the sources do not provide any data, the most intimate and inaccessible situations to an external observer may be hidden. Particular attention is drawn to cases (4.5%) when, according to eyewitnesses or comments from the university, the deceased student did not show their suicidal intentions in any way, but was characterized as a positive person in communication and successful in learning.

In this regard, closer attention was paid to the seasonality of cases, and as can be seen from the further discussion, this pattern can shed light on the question of the causality of suicides among students (Fig. 3).

As can be seen from Fig. 3, cases by months and seasons of the year are distributed in a very peculiar way, for example, we see a significant increase in the number of suicides in January, followed by a decline until April and then a sharp rise again noticeable in May, followed by a sharp decline again with a minimum in August, after which begins an autumn increase in cases with a maximum in October. It should be noted right away that such a pattern is very different from the usual manifestations of the seasonality of suicides in the middle geographic zone (mini-

или «учебного» стресса – особого комплекса факторов, характерного для вузовской среды, куда входят самые разнообразные проблемы, связанные с учебной нагрузкой, успеваемостью, сдачей экзаменов и зачётов, нереалистичными ожиданиями и неминуемыми фрустрациями, недостатками в организации быта (питание, сон, общее здоровье), сложностями тайм-менеджмента, финансовыми трудностями, транспортной проблемой, особенно в больших городах, и наконец, сложностями культурной адаптации и межличностного общения в высоко конкурентной среде [17, 18, 19].

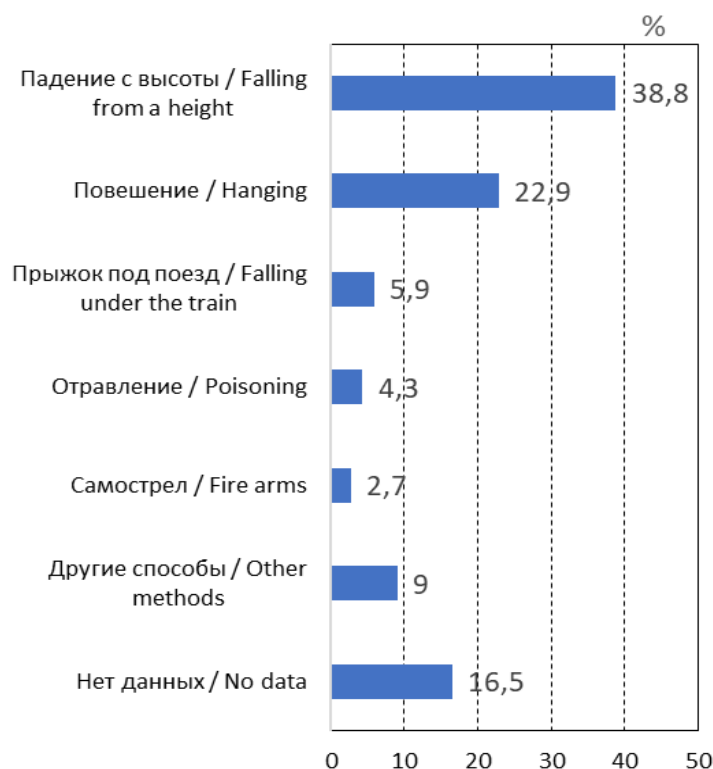

Рис. / Fig. 4. Способы суицидальных действий среди студентов обоих полов с 2015 г. по июль 2021 г. по данным сетевых СМИ (в %% к общему числу сообщений СМИ) / Methods of suicidal actions among students of both sexes from 2015 to July 2021 according to online media (in %% to the total number of media reports).

Дальнейший анализ коснулся способов совершения суицида (рис. 4). Как видно из представленных данных (довольно полных, поскольку отсутствие сведений имело место только в 16,5% сообщений), среди способов совершения суицидальных действий на первых местах стоят падение с высоты (38,8%) и повешение (22,9%). Выбор способа «падение с высоты» связан, скорее всего, с доступностью и простотой исполнения, а также с минимизацией возможности остаться в живых, поскольку, как показали полученные данные, в большинстве случаев студенты выбирали последние этажи зданий (2 случая суицида были

мум indicators in the winter months, a gradual rise towards the middle of summer, a slight decrease in September, occasionally an increase in October and again a decrease by the end of the year) [15, 16].

We explain such dynamics by the fact that the increase in the number of suicides among students is determined not so much by the widely discussed complex of factors that give rise to seasonality [15, 16], but primarily by the actual “academic situation”. It is quite obvious that rises are associated with exam sessions (winter and spring) and with the beginning of the academic year, when students experience the most pronounced stress and adaptation problems, while with the onset of holidays (in July and especially in August) student suicides are extremely rare. All this as a whole allows us to conclude about the significant influence of a specific cyclical “academic” or “educational” stress – a special complex of factors characteristic of the university environment, which includes a wide variety of problems related to academic workload, academic performance, passing exams, and credits, unrealistic expectations and inevitable frustrations, shortcomings in the organization of everyday life (food, sleep, general health), difficulties in time management, financial difficulties, transport problems, especially in big cities, and finally, difficulties in cultural adaptation and interpersonal communication in a highly competitive environment [17, 18, 19].

Further analysis touched upon the methods of committing suicide (Fig. 4).

As can be seen from the data presented (quite complete since the lack of information took place only in 16.5% of messages), among the methods of committing suicidal acts, falling from a height (38.8%) and hanging (22.9%) take the first place. The choice of the “fall from a height” method is most likely associated with the availability and ease of execution, as well as with the minimization of the possibility of staying alive, since, as the data obtained showed, in most cases, students chose the last floors of buildings (2

зафиксированы при падении с 86-этажа комплекса «Москва-Сити»).

Обращает на себя внимание своеобразие распределения способов по частоте у студентов, которое отличается от такового среди городского населения (обычно это резкое преобладание повешения, затем со значительным отрывом следуют прыжки с высоты, и далее с минимальными значениями самострелы и отравления) [14]. Очень высокий процент падений с высоты, превышающий повешение, может говорить и об определённой демонстративности («приверженности стилю»), и в то же время о явно выраженных антивитаальных намерениях с высоким уровнем волевого компонента, учитывая почти 100%-ную «надёжность» способа.

В заключительной части нашего исследования мы проанализировали упоминания ВУЗов и городов России, где были описаны суициды студентов. Это позволило установить, в каких ВУЗах и регионах зафиксировано наибольшее число случаев (табл. 1 и 2).

Как видно из табл. 1, сетевые источники предоставляют довольно полную информацию на этот счёт. Упоминание ВУЗа отсутствует всего в 6,4% сообщений. При этом можно заметить определённую тенденцию – на первых местах стоят крупные популярные ВУЗы (МГУ, МГТУ им. Баумана, МАИ, СПбГУ).

cases of suicide were recorded when falling from the 86th floor of the Moscow City complex).

Attention is drawn to the originality of the distribution of methods in frequency among students, which differs from that among urban population (usually this is a sharp predominance of hanging followed by jumping from a height with a significant margin, and then followed by minimal numbers of use of firearms and poisoning) [14]. A very high percentage of falling from a height that exceed hanging can indicate a certain demonstrativeness ("adherence to style"), and at the same time clearly communicates anti-vital intentions with a high level of the volitional component, taking into account almost 100% "reliability" of the method.

In the final part of our research, we analyzed references to universities and cities in Russia, where student suicides were described. This made it possible to establish in which universities and regions there were recorded the largest number of cases (Tables 1 and 2).

Таблица / Table 1

Процентное распределение всех случаев студенческих суицидов по ВУЗам с 2015 г. по июль 2021 г. по данным сетевых СМИ (указаны ВУЗы, упомянутые более чем в 1% сообщений)

Percentage distribution of all cases of student suicide by universities from 2015 to July 2021 according to online media (for universities mentioned in more than 1% of messages)

ВУЗ / University	Количество случаев, Number of cases, %
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Moscow State University named after M.V. Lomonosov	6,9
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана Moscow State Technical University after N.E. Bauman	4,3
Южный федеральный университет South Federal University	3,2
Новосибирский государственный университет Novosibirsk State University	3,2
Санкт-Петербургский государственный университет Saint Petersburg State University	2,7
Московский Авиационный Институт Moscow Aviation Institute	2,7
Московский Государственный Институт Международных Отношений Moscow State Institute of International Relations	1,6
Уральский федеральный университет Ural Federal University	1,6
Все остальные ВУЗы РФ All other universities of the Russian Federation	67,6
Данные отсутствуют No data	6,4

Таблица / Table 2

Уровни суицидов на 10 тысяч учащихся в ВУЗах с наибольшей суицидальной активностью с 2015 г. по июль 2021 г. по данным сетевых СМИ

Suicide rates per 10 thousand university students with the highest suicidal activity from 2015 to July 2021 according to online media

ВУЗ University	Частота суицидов (на 10000 учащихся) Frequency of suicides (per 10000 students)
Новосибирский государственный университет Novosibirsk State University	7,41
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана Moscow State Technical University after N.E. Bauman	4,21
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Moscow State University named after M.V. Lomonosov	3,41
Московский Государственный Институт Международных Отношений Moscow State Institute of International Relations	2,83
Южный федеральный университет South Federal University	2,43
Московский Авиационный Институт Moscow Aviation Institute	2,38
Санкт-Петербургский государственный университет Saint Petersburg State University	2,29
Уральский федеральный университет Ural Federal University	0,86

Нам представляется, что преобладание суицидов студентов в крупных городах может быть также детерминировано «эффектом мегаполиса», в котором с одной стороны, высока концентрация престижных ВУЗов с высококонкурентной средой, с другой – в наиболее явном виде наблюдается весь комплекс сопутствующих проблем, с которыми сталкивается студент. Это также заметно при расчёте уровней студенческих суицидов на 100 тыс. населения соответствующих городов (табл. 4).

Значительный процент занимают также сообщения о самоубийствах студентов в Новосибирском госуниверситете, и Уральском федеральном университете, остальные ВУЗы России упоминаются на уровне или ниже 1%. Учитывая различное общее количество обучающихся в ВУЗах, был рассчитан коэффициент случаев в расчёте на 10000 учащихся (табл. 2, сведения о численности студентов получены из информации, предоставляемой на сайте соответствующего учебного заведения). Расчёт показал, что наибольшее количество суицидов среди студентов было совершено в Новосибирском государственном университете (7,41), далее следуют МГТУ им. Н.Э. Баумана (4,21), МГУ (3,41) и МГИМО (2,83).

При рассмотрении регионов, в которых совершались суициды, лидирующими оказались Москва и Московская область (табл. 3).

As can be seen from the Table 1, online sources provide fairly complete information on this matter. The university is not mentioned in only 6.4% of messages. At the same time, one can notice a certain tendency – the first places are occupied by large popular universities (Moscow State University, Moscow State Technical University after N.E. Bauman, Moscow Aviation Institute, St. Petersburg State University). A significant percentage is also occupied by reports of student suicides at Novosibirsk State University and Ural Federal University, other universities in Russia are mentioned at or below 1%.

Taking into account the different total number of students at universities, the coefficient of cases per 10,000 students was calculated (Table 2 provides information on the number of students obtained from the information published on the website of the corresponding educational institution). From this standpoint the calculation showed that the largest number of suicides among students was committed at Novosibirsk State

Таблица / Table 3

Процентное распределение всех случаев студенческих суицидов по городам и регионам России с 2015 г. по июль 2021 г. по данным сетевых СМИ

Percentage distribution of all cases of student suicide by cities and regions of Russia from 2015 to July 2021 according to online media

Город и регион РФ, в котором был зафиксирован случай City and region of the Russian Federation, in which the case was recorded	Количество случаев Number of cases, %
Москва и Московская область Moscow and Moscow region	27,1
Санкт-Петербург и Ленинградская область Saint Petersburg and Leningrad region	9,6
Новосибирск и Новосибирская область Novosibirsk and Novosibirsk region	6,9
Ростов-на-Дону и Ростовская область Rostov-on-Don and Rostov region	5,9
Саратов и Саратовская область Saratov and Saratov region	3,7
Волгоград и Волгоградская область Volgograd and Volgograd region	3,7
Красноярск Krasnoyarsk	3,2
Казань Kazan	3,2
Екатеринбург Ekaterinburg	3,2
Воронеж Voronezh	2,7
Все остальные регионы РФ All other regions of the Russian Federation	30,9

Из табл. 4 видно, что наиболее благополучные с точки зрения уровня жизни и здравоохранения крупные города (Москва и Санкт-Петербург, а также Новосибирск как «столица» Сибири), для которых по данным официальной статистики характерны самые низкие индексы суицидов в РФ [20], характеризуются самыми высокими индексами самоубийств студентов. Это является ещё одним свидетельством того, что суициды среди студентов отличаются своеобразием и не подчиняются общепопуляционным статистическим тенденциям.

В связи с этим представляет интерес такой показатель как статус студента – является ли для него город, в котором он учится, родным, либо он приехал в него, поступив в ВУЗ, а также является ли он студентом-иностранцем. К сожалению, более чем в половине случаев (56%) эта информация отсутствовала в проанализированных нами источниках, в тех же случаях, когда это было отмечено, оказалось, что «местные» студенты составляют незначительное меньшинство (4%), в то время как иногородние студенты были по-

University (7.41), followed by the Moscow State Technical University after N.E. Bauman (4.21), Moscow State University (3.41) and Moscow State Institute of International Relations (2.83).

When considering the regions in which suicides were committed, the leaders were Moscow and the Moscow Region (Table 3).

We believe that the predominance of student suicides in large cities can also be determined by the “megalopolis effect”, in which, on the one hand, there is a high concentration of prestigious universities with a highly competitive environment, on the other hand, the whole complex of related problems with which student faces becomes evident here as well. This is also noticeable when calculating the levels of student suicides per 100 thousand of the population of the respective cities (Table 4).

Table 4 shows that the most cities with the best living standards and health care are large cities (Moscow and St. Petersburg, as well as Novosibirsk as the “capital” of Siberia), which according to official statistics are characterized by the lowest suicide indices in the Russian Federation [20], but at the same time they are characterized by the highest rates of student suicides.

This is another evidence that suicides among students are distinguished by their originality and do not fall under general population statistical tendencies.

In this regard, such indicator as the status of a student is of interest – whether the city of studies is their native city, or they relocated there having entered the university, and also whether they are a foreign student. Unfortunately, in more than half of the cases (56%) this information was not available in the sources we analyzed, in the same cases when it was noted, it turned out that the “local” students constituted an insignificant minority (4%), while non-native students were the overwhelming majority (35%), in 5% of cases, students came from other countries. Local students, upon entering the

давливающим большинством (35%), в 5% случаев студенты прибыли из иных стран.

Таблица / Table 4

Уровни суицидов студентов на 100 000 населения в городах и регионах с наибольшей суицидальной активностью с 2015 по июль 2021 г. по данным сетевых СМИ
 Student suicide rates per 100,000 population in cities and regions with the highest suicidal activity from 2015 to July 2021 according to online media

Город и регион РФ, в котором был зафиксирован случай City and region of the Russian Federation, in which the case was recorded	Частота суицидов (на 100000 населения) Frequency of suicides (per 100000 people)
Новосибирск и Новосибирская область Novosibirsk and Novosibirsk region	0,30
Москва и Московская область Moscow and Moscow region	0,25
Санкт-Петербург и Ленинградская область Saint Petersburg and Leningrad region	0,25
Саратов и Саратовская область Saratov and Saratov region	0,22
Ростов-на-Дону и Ростовская область Rostov-on-Don and Rostov region	0,21
Волгоград и Волгоградская область Volgograd and Volgograd region	0,20
Красноярский край Krasnoyarsk region	0,15
Республика Татарстан Republic of Tatarstan	0,15
Воронеж и Воронежская область Voronezh and Voronezh region	0,13
Екатеринбург и Свердловская область Yekaterinburg and Sverdlovsk region	0,10

Местные студенты при поступлении в ВУЗ очевидно оказываются в лучшем положении в психологическом плане, поскольку остаются в привычной комфортной среде родного города и социального окружения. В то же время иногородние и иностранные студенты, меняя своё место жительства, покидая свой родной город и страну, сталкиваются с комплексом новых средовых условий и различными психологическими кризисами, связанными с необходимостью адаптации к непривычным условиям жизнедеятельности, общения, потери систем социальной поддержки.

Здесь целесообразно отметить, что В.В. Руженкова, обследовав 166 студентов 1-3 курсов, прибывших из стран Ближнего Востока и Индии, не владеющих русским языком и обучающихся на английском языке в медицинском институте, выявила, что студенты - иностранцы в первые месяцы

university, obviously find themselves in a better position psychologically, since they remain in the familiar comfortable environment of their hometown and social environment. At the same time, nonresident and foreign students having changed their place of residence leaving their hometown and country face with a complex of new environmental conditions and various psychological crises associated with the need to adapt to unusual conditions of life, communication, loss of social support systems.

It is appropriate to note here that V.V. Ruzhenkova having examined 166 students of 1-3 years of study who came from the countries of the Middle East and India and do not speak Russian and study at a medical institute in English, found that foreign students in the first months of adaptation experience severe stress that in 44% of cases is accompanied by internal forms of suicidal behavior. At the same time, she considers migration and academic stress as the main reasons for suicidal tendencies [21]. The data of other authors also confirm that academic mobility, including international, with all its obvious advantages and attractiveness for students, can simultaneously act as a risk factor for serious maladjustment, exacerbation of mental and physical health disorders due to stress experienced by students [22, 23].

A particular faculty students belong to as well as direction of education are of particular interest. In the sample we collected, in more than 60% of cases the educational program or faculty where the deceased students studied were unfortunately not indicated, which significantly reduces the value of analyzing this indicator. Nevertheless, considering the remaining 40% (75 cases), one can notice that engineering and computer spheres, as well as medicine, are mentioned more often than others (Fig. 5).

It should be noted that according to foreign authors medical students are highly susceptible to suicidal tendencies, and the authors also see

адаптации переживают выраженное стрессовое напряжение, в 44% случаев сопровождающееся внутренними формами суицидального поведения. При этом она рассматривает в качестве основных причин суицидальных тенденций миграционный и академический стресс [21]. Данные других авторов также подтверждают, что академическая мобильность, в том числе международная, при всех своих очевидных преимуществах и привлекательности для студентов, может одновременно выступать фактором риска серьёзной дезадаптации, обострения нарушений психического и физического здоровья в силу переживаемого студентами стресса [22, 23].

Определённый интерес представляет принадлежность студентов к тому или иному факультету или направлению образования. В собранном нами образце, к сожалению, более чем в 60% случаев не были указаны образовательная программа или факультет, на котором обучались погибшие студенты, что существенно снижает ценность анализа этого показателя. Тем не менее, рассматривая оставшиеся 40% (75 случаев), можно заметить, что чаще других упоминаются инженерная и компьютерная сферы, а также медицина (рис. 5).

Следует отметить, что по данным зарубежных авторов, студенты-медики весьма подвержены суицидальным тенденциям, причем авторы также усматривают в числе причин прежде всего академический стресс [24, 25].

Обобщая результаты данного исследования, представляется необходимым обсудить релевантность информации, полученной из сетевых источников, и её значение для разработки мер превенции. Безусловно, данные и выводы, основанные на изучении и анализе публичных материалов, имеют ряд ограничений.

academic stress among the causes [24, 25].

Summarizing the results of this study, it seems necessary to discuss the relevance of information obtained from network sources and its importance for the development of prevention measures. Of course, the data and conclusions based on the study and analysis of public materials have a number of limitations. Messages published and spread by the Internet media may be characterized by pretentiousness, inaccuracy, may reflect mythologized ideas about self-murder, etc. At the same time, given the same characteristics as well as the general focus on the search for sensational information (information about suicides in general and student suicides in particular always attracts increased attention), we can state with a high degree of probability that there is now way any case of suicide that was recorded somewhere or became the subject of proceedings or public resonance will escape the attention of these media.

These considerations allow us to assert with a high degree of confidence that in quantitative terms, the analysis performed and the data obtained are close to the real picture of the prevalence and specificity of suicides among students.

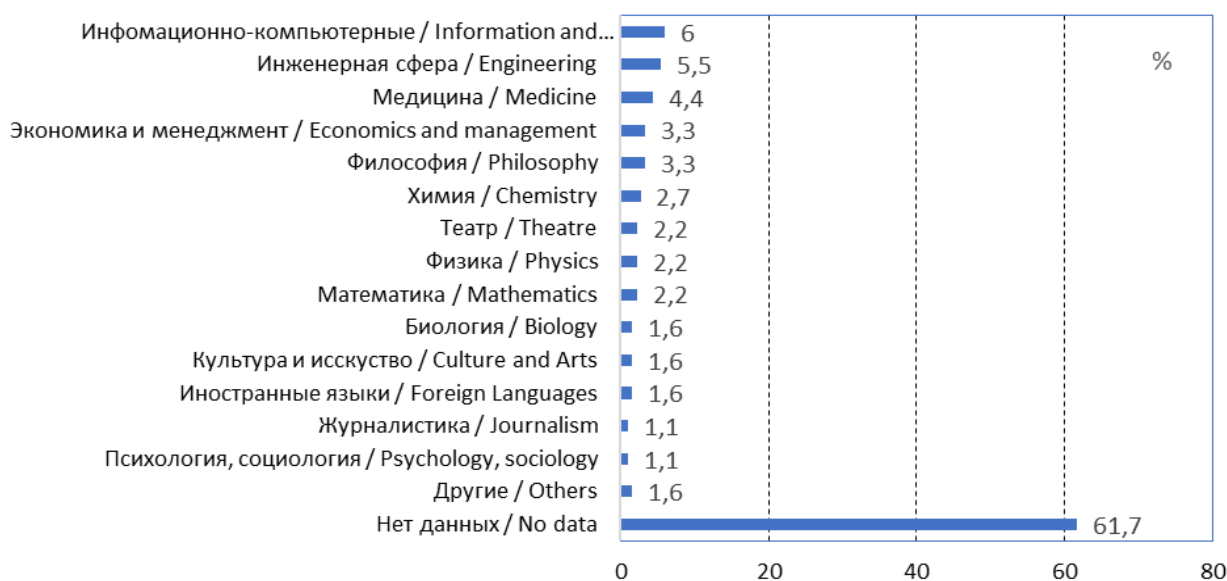

Рис. / Fig. 5. Распределение случаев по факультетам (в %% к общему числу сообщений СМИ, НД – нет данных) / Distribution of cases by faculty (%% to the total number of media reports, ND – no data).

Сообщения, опубликованные и распространённые интернет-СМИ, могут характеризоваться претенциозностью, неточностью, могут отражать мифологизированные представления о самоубийстве и т.д. В то же время, учитывая эти же характеристики, а также общую направленность на поиск сенсационной информации (а информация о самоубийствах вообще, и о самоубийствах студентов в ВУЗах в частности всегда привлекает повышенное внимание), можно с большой долей вероятности утверждать, что от внимания этих СМИ не ускользнет ни один случай, который был где-либо зафиксирован, стал предметом разбирательств или общественного резонанса.

Данные соображения позволяют нам с большой долей уверенности утверждать, что в количественном отношении проведённый анализ и полученные данные близки к реальной картине распространённости и специфике суицидов среди студентов. Конечно, нельзя исключить того, что часть случаев осталась незамеченной. Однако для того, чтобы сделать основные выводы, выборка представляется достаточно репрезентативной. Со строгой научной точки зрения эти данные не могут быть приняты к сведению в полной мере, требуются дополнительные исследования с использованием определённых научных процедур, адекватного дизайна и методов исследования. Тем не менее, учитывая сложность и латентность изучаемого феномена, а также труднодоступность исследуемых выборок, проведённый анализ и полученные результаты представляют, как мы полагаем, определённый интерес и могут быть использованы как в практическом, так и научном плане.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о недостаточном уровне изученности проблематики студенческих суицидов – мы все ещё очень мало знаем о самоубийствах студентов. Наша работа позволила наметить некоторые тенденции и направления исследований, сформулировать гипотезы и актуальные задачи. Проведённый анализ явно указывает на значимую, возможно ведущую роль в детерминации суицидального поведения студентов факторов академической ситуации. Сюда можно отнести и собственно академический стресс (учеба, оценки, сессии, задолженности, конфликты с преподавателями и т.д.), и события жизни, связанные с попаданием в новую среду, обустройством быта, проблемами со здоровьем и с прочими обстоятельствами, так или иначе индуцированными пребыванием в стенах ВУЗа.

В то же время нельзя не обратить внимание на то, что во многих сообщениях (суицидология.рф) звучит такой важный мотив, как «не справился», «не оправдал ожиданий семьи», то есть мотив «провала и крушения

Of course, it cannot be ruled out that some of the cases went unnoticed. However, in order to draw the main conclusions, the sample is sufficiently representative. From a strict scientific point of view, these data cannot be fully taken into account, additional research is required using certain scientific procedures, adequate design and research methods. Nevertheless, considering the complexity and latency of the studied phenomenon, as well as the inaccessibility of the samples under study, the analysis performed and the results obtained are, we believe, of certain interest and can be used both in practical and scientific terms.

Based on the above, we can conclude that the level of study of the problem of student suicides is insufficient – we still know very little about student suicides. Our work made it possible to outline some trends and areas of research, formulate hypotheses and urgent tasks. The analysis carried out clearly indicates a significant, possibly students' suicidal behavior is determined mostly by academic situation factors. This can include academic stress itself (studies, grades, sessions, debts, conflicts with teachers, etc.), and life events associated with getting into a new environment, living conditions, health problems and other circumstances, somehow induced by staying within the walls of the university.

At the same time, one cannot but pay attention to the fact that many messages (suicidology.ru) contain such an important motive as “failed”, “did not meet the family's expectations,” that is, the motive “failure and collapse of ambitious plans”. In this regard, it can be assumed that the academic situation is only a direct stressor, while the main problem of many students who died by suicide is overestimated expectations, most likely “laid down” by their parents, in their desire to “invest as much as possible” in their children, and another problem is difficulties in communication with parents. The desire to develop abilities is not always combined with the ability to form such characteristics as resilience and stress resistance, which entails an inability to accept defeat as a temporary failure and withstand a difficult situation,

амбициозных планов». В связи с этим можно высказать предположение, что академическая ситуация является лишь непосредственным стрессором, в то время как основная проблема многих ушедших из жизни студентов заключается в завышенных ожиданиях, скорее всего «заложенных» родителями, в их стремлении «вложить как можно больше» в своих детей, и одновременно в сложностях коммуникации с родителями. Стремление развить способности не всегда сочетается с умением сформировать такие характеристики как жизнестойкость и стрессоустойчивость, что влечёт за собой неспособность принять своё поражение как временную неудачу и выстоять в трудной ситуации, найти ресурсы поддержки, обратиться за помощью и т.д. Ещё одним травмирующим фактором может быть стыд перед родителями, которые порой ценой больших усилий оплачивают образование студентов в престижных ВУЗах, страх «разоблачения» и «позора» перед сверстниками и подобные переживания.

Несомненно, в ВУЗах должны активно внедряться меры и программы превентивного характера и психологического сопровождения обучающихся, особенно, в периоды кризисов (поступление, период начальной адаптации, периоды сессий, угроза отчисления и т.д.). Наиболее перспективным представляется создание системы оказания психологической или кризисной помощи, включая специализированные программы превенции. На уровне среднего образования в общеобразовательных школах России накоплен определённый опыт реализации подобных программ [26, 27, 28], при этом на уровне высшего образования развертывание системы психологической помощи и сопровождения зачастую находится на уровне деклараций. Существующий опыт ограничивается несколькими ВУЗами в крупных городах, в которых есть крупные факультеты психологии, обеспечивающие кадровую и методическую работу по оказанию психологической помощи, в том числе в кампусах [29].

В то же время, содержание переживаний кризисных ситуаций студентов носят сложный и многогранный характер, включая как общее ощущение кризиса, так и оценку (и переоценку) правильности выбранной специальности, а также трудности адаптации к учёбе в ВУЗе, недостаток социальной поддержки и многие другие негативные переживания [30]. Фактически на уровне государственной программы в ВУЗах в настоящее время не реализуются научно-обоснованные программы индивидуального сопровождения и кризисной интервенции, которые бы учитывали эту специфику психологической и ситуационной проблематики студентов [30]. В большинстве случаев речь идёт о локальных ресурсах и программах психо-социальной поддержки, эффективность кото-

find support resources, seek help, etc. Another traumatic factor is being shamed by parents who sometimes pay for the education of students in prestigious universities at the cost of great efforts, fear of "exposure" and "shame" in front of peers and similar experiences.

Undoubtedly, universities should actively implement measures and programs of a preventive nature and psychological support of students, especially during periods of crises (admission, period of initial adaptation, exams periods, threat of expulsion, etc.). The most promising measures in that respect are the creation of a system for the provision of psychological or crisis assistance, including specialized prevention programs. At the level of secondary education in general education schools in Russia, a certain experience has been accumulated in the implementation of such programs [26, 27, 28], while at the level of higher education the deployment of the system of psychological assistance and support is often at the level of declarations. The existing experience is limited to a few universities in large cities, which have large psychology departments that provide personnel and methodological work to provide psychological assistance, including on campuses [29].

At the same time, the content of students' experiences of crisis situations are complex and multifaceted, including both the general feeling of the crisis and the assessment (and reassessment) of the correctness of the chosen specialty, as well as the difficulties of adapting to studying at the university, the lack of social support and many other negative experiences [30]. In fact, at the level of the state program, universities currently do not implement scientifically based programs of individual support and crisis intervention that would consider this specificity of psychological and situational problems of students [30]. In most cases, we are talking about local resources and programs of psycho-social support, the effectiveness of which has not been assessed, while the work is carried out in each university using local opportunities and is not able to cover the entire contingent of students in need of preventive support.

In our opinion, given the significant

рых не оценена, при этом работа осуществляется в каждом ВУЗе с использованием локальных возможностей и не способна охватить весь контингент обучающихся, нуждающихся в превентивном сопровождении.

На наш взгляд, учитывая значительное количество школьников, которые ежегодно поступают в высшие учебные заведения и сталкиваются с новыми стрессовыми вызовами, назрела необходимость обратить более пристальное внимание на случаи суицидов среди студентов, особенно совершаемых в общежитиях и кампусах. Существует острая нужда в разработке и внедрении эффективных научно-обоснованных программ психологической помощи студенческой молодежи, в том числе с использованием современных он-лайн подходов и технологий – приложений к гаджетам, интерактивных онлайн программ, ресурсов в социальных сетях, специализированных веб-сайтов и т.д. Необходима государственная и региональная поддержка подобных программ, а также разработка и внедрение типовых алгоритмов и инструкций, регламентирующих действия администрации вузов, преподавателей, комендантов общежитий, студенческих сообществ на случай суицидального кризиса или суицида студента. Подспорьем в данной работе могут стать зарубежные примеры таких ресурсов [31]. Необходима активная профессиональная дискуссия по данной проблематике с привлечением ведущих экспертов, учёных, руководителей ВУЗов, педагогов и психологов по вопросу о том, как могли бы выглядеть программы превенции для университетов и других высших учебных заведений. Опорой, координирующими и методическими центрами для данной работы могли бы стать ведущие психологические и медицинские факультеты, а также успешно действующие психологические и кризисные центры, работающие на базе ВУЗов. Позитивный опыт, апробированные технологии и выработанные стратегии можно было бы рекомендовать для внедрения в ВУЗы различной направленности.

Литература / References:

1. Руженков В.А., Руженкова В.В. Некоторые аспекты суицидального поведения учащейся молодежи и возможные пути предупреждения. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2011; 4: 52-54. [Ruzhenkov V.A., Ruzhenkova V.V. Some aspects of suicidal behavior in the undergraduate students and proposed strategies of prevention. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 2011; 4: 52-54.] (In Russ)
2. Смирнова Е.Н., Алешкина М.В., Кузьмина К.Д. Частота суицидального поведения студентов младших курсов транспортного вуза. *Нижегородский психологический альманах*. 2018; 2: 15-21. [Smirnova E.N., Alyoshkina M.V., Kuz'mina K.D. Frequency of suicidal behavior of junior undergraduates of the transport higher educational institution.

number of schoolchildren who enroll in higher education every year and face new stressful challenges, there is a need to pay more attention to cases of suicide among students, especially in dormitories and campuses. There is an urgent need to develop and implement effective science-based programs of psychological assistance to student youth, including using modern online approaches and technologies – gadgets applications, interactive online programs, resources in social media, specialized web sites, etc. State and regional support for such programs is needed, as well as the development and implementation of standard algorithms and instructions governing the actions of university administrations, teachers, dormitory commandants, student communities in the event of a suicidal crisis or student suicide. Foreign examples of such resources can help in this work [31]. An active professional discussion on this issue is needed with the involvement of leading experts, scientists, heads of universities, teachers and psychologists on the question of how prevention programs for universities and other higher educational institutions might look like. Leading psychological and medical faculties, as well as successfully operating psychological and crisis centers operating on the basis of universities, could become the support, coordinating and methodological centers for this work. Positive experience, proven technologies and developed strategies could be recommended for implementation in universities of various orientations.

- Nizhny Novgorod Psychological Almanac*. 2018; 2: 15-21]. (In Russ)
3. Солдаткин В.А., Дьяченко А.В., Меркурьева К.С. Исследование суицидологической и аддиктологической обстановки в студенческой среде г. Ростова-на-Дону. *Суицидология*. 2012; 4: 60-64. [Soldatkin V.A., Dyachenko A.V., Merkureva K.S. The study of suicidalological and addictological situation among students of Rostov-on-Don. *Suicidology*. 2012; 4: 60-64.] (In Russ)
4. Меринов А.В., Жилова Я.Н., Полкова К.В. Сравнительная суицидологическая характеристика студентов-медиков хирургического или терапевтического направления подготовки. *Девантология*. 2020; 4(6): 22-28. [Merinov A.V., Zhilova Y.N., Polkova K.V. Comparative suicidological characterization of medical students of surgical or therapeutic orientation of training. *Deviant Behavior (Russia)*. 2020; 4 (1): 22-28]. (In Russ) DOI: 10.32878/devi.20-4-01(6)-22-28

5. Хритинин Д.Ф., Паршин А.Н., Самохин Д.В. Ведущие факторы формирования и основные пути профилактики суицидального поведения студентов. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2015; 2 (87): 71-75. [Khritinin D.F., Parshin A.N., Samokhin D.V. Leading determining factors and main ways of prevention of suicidal behavior in students. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 2015; 2 (87): 71-75.] (In Russ)
6. Lew B., Kölves K., Osman A., Abu Talib M., Ibrahim N., Siau C.S., et al. Suicidality among Chinese college students: A cross-sectional study across seven provinces. *PLoS ONE*. 2020; 15 (8): e0237329. DOI: 10.1371/journal.pone.0237329
7. Ivey-Stephenson A.Z., Demissie Z., Crosby A.E., et al. Suicidal Ideation and Behaviors Among High School Students – Youth Risk Behavior Survey, United States, 2019. *MMWR*. 2020; 69 (1): 47-55.
8. Silverman M.M., Meyer P.M., Sloane F., Raffel M., Pratt D.M. The big ten student suicide study: a 10-year study of suicides on midwestern university campuses. *Suicide & life-threatening behavior*. 1997; 27 (3): 285–303.
9. https://www.bbc.com/russian/news/2016/05/160525_uk_students_suicide_figures
10. Caul S. Estimating suicide among higher education students, England and Wales: Experimental Statistics. Available at: <https://www.topuniversities.com/student-info/health-support/one-uk-student-dies-suicide-every-four-days-majority-are-male-why> [the article was originally published in 2018, last updated April 2021].
11. Arafat S.M.Y., Mali B., Akter H. Demography and risk factors of suicidal behavior in Bangladesh: A retrospective online news content analysis. *Asian J Psychiatr*. 2018; 36: 96-99. DOI: 10.1016/j.ajp.2018.07.008
12. Pathare S., Vijayakumar L., Fernandes T.N., et al. Analysis of news media reports of suicides and attempted suicides during the COVID-19 lockdown in India. *International Journal of Mental Health Systems*. 2020; 14 (1): 88. DOI: 10.1186/s13033-020-00422-2
13. Уманский М.С., Хохлов М.С., Зотова Е.П., Быкова А.А., Лончакова И.В. Завершённые суициды: соотношение мужчин и женщин. *Академический журнал Западной Сибири*. 2018; 14 (3): 76-78. [Umanskiy M.S., Khokhlov M.S., Zotova E.P., Bykova A.A., Lonchakova I.V. Completed suicides: males and females ratio. *Academic Journal of West Siberia*. 2018; 14 (3): 76-78.] (In Russ)
14. Сапожников С.П., Козлов В.А., Карышев П.Б., Голенков А.В. Возрастная динамика суицидов. *Академический журнал Западной Сибири*. 2021; 17 (90): 3-5. [Sapozhnikov S.P., Kozlov V.A., Karyshev P.B., Golenkov A.V. Age dynamics of suicides. *Academic Journal of West Siberia*. 2021; 17 (90): 3-5.] (In Russ)
15. Rocchi M.B., Sisti D., Miotto P., Preti A. Seasonality of suicide: relationship with the reason for suicide. *Neuropsychobiology*. 2007; 56 (2-3): 86-92. DOI: 10.1159/000111538
16. Christodoulou C., Douzenis A., Papadopoulos F.C. et al. Suicide and seasonality. *Acta Psychiatr Scand*. 2012; 125 (2): 127-146. DOI: 10.1111/j.1600-0447.2011.01750.x
17. Ang R.P., Huan V.S. Academic expectations stress inventory. Development, factor analysis, reliability, and validity. *Educational and Psychological Measurement*. 2006; 66 (3): 522-539. DOI: 10.1177/0013164405282461
18. García-Ros R., Pérez-González F., Tomás J.M. Development and validation of the questionnaire of academic stress in secondary education: structure, reliability and nomological validity. *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2018; 15, 20-23. DOI: 10.3390/ijerph15092023 www.mdpi
19. Izzati I.D.C., Tentama F., Suyono Y. Academic stress scale: a psychometric study for academic stress in senior high school. *European Journal of Education Studies*. 2020; 7 (7): 153-168. DOI: 10.46827/ejes.v7i7.3161
20. Морев М.В., Шматова Ю.Е., Любов Е.Б. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект. *Суицидология*. 2014; 5 (1): 3-11. [Morev M.V., Shmatova J.E., Lyubov E.B. Dynamics of suicide mortality in Russia: the regional level. *Suicidology*. 2014; 5 (1): 3-11] (In Russ)
21. Руженкова В.В. Суицидальное поведение в структуре защитных способов преодоления миграционного и учебного стресса иностранными студентами. *Суицидология*. 2018; 9 (4): 47-60. [Ruzhenkova V.V. Suicidal behavior in the structure of protective methods of overcoming migration and educational stress by foreign students. *Suicidology*. 2018; 9 (4): 47-60. (In Russ) DOI: 10.32878/suiciderus.18-09-04(33)-47-60
22. Li M., Li W.Q., Li L.M.W. Sensitive periods of moving on mental health and academic performance among university students. *Front Psychol*. 2019; 10: 1289. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01289
23. Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Grinina E.S., Sozonnik A.V. Characteristics of academic adaptation and subjective well-being in university students with chronic diseases. *Eur J Investig Health Psychol Educ*. 2020; 10 (3): 816-831. DOI: 10.3390/ejihpe10030059
24. Cheng J., Kumar S., Nelson E. et al. A national survey of medical student suicides. *Academic psychiatry: the journal of the American Association of Directors of Psychiatric Residency Training and the Association for Academic Psychiatry*. 2014; 38 (5): 542–546. DOI: 10.1007/s40596-014-0075-1
25. Kamski L., Frank E., Wenzel V. Suizidalität von Medizinstudierenden : Fallserie [Suicide in medical students: case series]. *Der Anaesthetist*. 2012; 61 (11): 984–988. DOI: 10.1007/s00101-012-2094-1
26. Григорьева А.А. Обзор отечественных и зарубежных программ превенции суицидального и самоповреждающего поведения, применяемых в практике общеобразовательных школ. *Вестник психотерапии*. 2020; 74 (79): 42-58. [Grigorieva A.A. Review of domestic and foreign programs for the prevention of suicidal and self-harming behavior used in the practice of general education schools. *Vestnik Psykhoterapii*. 2020; 74 (79): 42-58.] (In Russ)
27. Зинова Е.Ю. Программа по первичной профилактике суицидального поведения подростков 14-17 лет «Ценность жизни» [Электронный ресурс]. Ханты-Мансийск, 2010. [Zinova E.Yu. Program of primary prevention of suicidal behavior in 14-17 years adolescents. [Electronic resource]. Khanty-Mansiysk. 2010] (In Russ) Available at: <http://www.vashpsixolog.ru/preventive-work-of-a-psychologist-in-the-school/130-prevention-of-suicide-suicide/1639-programma-po-pervichnoj-profilaktike-suicidalnogo-povedeniya-podrostkov-14-17-let-lczennost-zhizni>
28. Попова Т.А. Научно-образовательный проект как метод формирования смысложизненных ориентаций. Логоарт-терапия в работе с подростками. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2014; 4: 90–98. [Popova T.A. Scientific-educational project as a method of development of meanings in life orientations. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*. 2014; 4: 90–98.] (In Russ)
29. Шлык С.В., Дроботья Н.В., Чаплыгина Е.В., Солдаткин В.А. Развитие службы психологической поддержки в вузе. Методическое пособие. Ростов-на-Дону. 2015. 144 с. [Shlyk C.V., Drobotya N.V., Chaplygina E.V., Soldatkin V.A. Development of the psychological support services in universities. Methodological manual. Rostov-on-Don, 2015. 144 p.] (In Russ)
30. Курусь И.А. Содержание переживания кризисных ситуаций у студентов первого курса. *Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология*. 2016; 1 (24): 87-91. [Kurush' I.A. The content of crisis experiences among first-year

students. *Science Vector of Togliatti State University*. 2016; 1 (24): 87-91. (In Russ)

31. After a student suicide. Centre for suicide prevention. <https://www.suicideinfo.ca/resource/after-a-student-suicide/>

SUICIDES IN THE UNIVERSITY STUDENTS – WHAT WE KNOW AND WHAT WE DO NOT KNOW (BASED ON THE ONLINE NEWS MEDIA REPORTS)

V.A. Rozanov, D.A. Laskaja, A.V. Shabolts

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;
v.rozanov@spbu.ru

Abstract:

University students often act as respondents in various studies of suicidal tendencies, for example, in order to identify the severity of suicidal experiences, assess suicidal risk in various stressful situations, and identify psychological and psychopathological correlates of risk. However, there is no information on the frequency of completed suicides among this contingent in Russia, since official statistics take into account only the age category, but not the particular social group they belong to. At the same time, this group undoubtedly has its own characteristics, associated primarily with the so-called academic stress which is caused by a complex of specific factors of the university environment, and some other risk factors among student youth (interpersonal relationships, alcohol and psychoactive substance consumption, stress big city, etc.). *Aim of the study*. To assess, according to online media, the prevalence and main characteristics of suicide attempters (gender, age, reasons for suicide, geography, university) among students and graduate students. *Materials and methods*. It is the first time, according to online media, when an analysis of suicide cases among students of Russian universities was carried out. In total, 188 reports of suicides of undergraduate and graduate students (aged from 17 to 32) were analyzed for the period from January 01, 2015 to July 31, 2021. The percentage distribution of cases by groups of interest was estimated, and indices were calculated per 10,000 and per 100,000 people. *Results*. The dynamics over the years testifies the stable nature of this phenomenon in recent years. Of those killed with their own hands during this period, 75.5% are men, 24.5% are women. Sex-age distribution is typical for young people suicides. The most vulnerable group are men aged 18-20. At the same time, some characteristics of this group distinguish them from suicide attempters in the general population. For example, among suicide methods the first place is taken by falling from a height (39%) followed by hanging (23%). In addition, the seasonality of events (an increase in cases in December-January period, a sharp decline in summer, an increase in October) speaks more about the contribution of the "university situation" (academic or educational stress) to the determination of suicidal behavior of students than about the influence of the usual factors that determine fluctuations in throughout the year. The largest share of cases was observed in large metropolitan universities and large federal universities, the same relationship remains when calculating indices per 10,000 students. *Conclusions*. The suicides of students as a separate group are hidden from statistical records and require additional research in order to identify an objective picture. The data of the online media is incomplete, however, with all the limitations, they make it possible to see the whole picture of student suicides. The results obtained are the basis for discussing the development and implementation of a set of measures by universities, families and society as a whole, aimed at preventing suicide among students.

Keywords: suicide, university students, suicidal risk factors, online media reports, Russia

Вклад авторов:

V.A. Rozanov: разработка дизайна исследования, написание текста статьи;
D.A. Laskaja: сбор и первичный анализ материала;
A.V. Shabolts: комментарии к статье, написание заключения.

Authors' contributions:

V.A. Rozanov: development of the study design, article writing;
D.A. Laskaja: data search and primary analysis;
A.V. Shabolts: comments to the text, writing conclusion.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.
Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 31.07.2021. Принята к публикации / Accepted for publication: 12.10.2021.

Для цитирования: Розанов В.А., Лаская Д.А., Шаболтас А.В. Самоубийства студентов – что мы знаем, и чего мы не знаем (результаты анализа сообщений сетевых СМИ). *Суицидология*. 2021; 12 (3): 39-57. doi.org/10.32878/suiciderus.20-12-03(44)-39-57

For citation: Rozanov V.A., Laskaja D.A., Shabolts A.V. Suicides in the university students – what we know and what we do not know (based on the online News Media reports). *Suicidology*. 2021; 12 (3): 39-57. doi.org/10.32878/suiciderus.20-12-03(44)-39-57 (In Russ / Engl)